

ЭРИК ЭГЕБЕРГ (Тромсё)

Русские поэты в зеркале стихотворений Николая Рубцова

Николай Михайлович Рубцов принадлежит к тем немногим поэтам нового времени, которые несмотря на короткую жизнь, на традиционность формы и на уже знакомый выбор тем все-таки сумели добиться популярности среди широкой публики.

Родился он в начале 1936 года в городе Елецке Архангельской области; значит, его можно с некоторым правом назвать архангельским поэтом. Однако, «трех лет, — говорит сам Рубцов, — меня увезли оттуда. Детство прошло в сельском детском доме над рекой Толшмой — глубоко в Вологодской области. Давно уже в сельской жизни происходят крупные изменения, но до меня все же докатились последние волны старинной русской самобытности, в которой было много прекрасного, поэтического. Все, что было в детстве, я лучше помню, чем то, что было день назад.»¹

«Родителей я лишился в начале войны,» — пишет Рубцов далее. Правда, его мать умерла летом 1942 года, а отец ушел на фронт, но там он уцелел, после демобилизации вернулся на родину, женился вторично — и о маленьком Коле, отданном в детдом, не стал заботиться.

В это время мальчик уже пишет свои первые стихи, но путь к литературной славе оказался для него отнюдь не легким. «Учился в нескольких техникумах, ни одного не закончил,» — рассказывает он в предисловии к первому сборнику стихов, «Волны и скалы» (1962 г.). Но именно в это время его принимают в Литературный институт им. А. М. Горького, который он, после всевозможных препятствий, заканчивает только в 1969 году. Его жизнь, однако, носит отпечаток не тихого литинститута и сухого книжного образования, а

¹ *Н. М. Рубцов: Вологодская трагедия.* Сост., подгот. текстов Н. М. Коняева. М. 1997. С. 182.

скорее тяжелого труда на заводах, на траулерах и на Северном флоте, где он служил четыре года.

Смерть пришла к нему неожиданно. 19 января 1971 года его задушила библиотекарь Людмила Дербина, на которой он хотел жениться. В этом несчастном происшествии свою роль играл, разумеется, алкоголь.

Николай Рубцов, наверняка, является наиболее любимым из поэтов русского Севера нового времени. Это обстоятельство можно объяснять по-разному, но, очевидно, немаловажную роль играет его любовь к северорусской деревне и к традиционному укладу сельской жизни, который сохранился лучше всего как раз в этих местах. Эти качества, впрочем, сближают Рубцова с выдающимся направлением в современной ему литературе — с деревенской прозой, которая тоже была преимущественно северорусским явлением.

Вся разнообразная жизнь Николая Рубцова отражается в его стихотворениях, что и является важной причиной его популярности среди разных слоев населения. Главная же особенность его лирики — «проникновенная поэзия природы, сельской жизни»², и его наиболее известные стихотворения как раз этого типа. Но среди его произведений встречается также группа, имеющая своей темой русских поэтов (а также двух прозаиков — Гоголя и Достоевского). Этим Рубцов следует примеру других поэтов; ведь размышления о поэтическом творчестве являются постоянной деятельностью самих поэтов. Мне же кажется, что имена поэтов встречаются чаще у Рубцова, чем у большинства русских поэтов.

Особую близость, кажется, Рубцов испытывает в отношении Сергея Есенина, которому он посвятил два стихотворения — «Сергей Есенин» (1962), не включенное ни в какие сборники Рубцова, и «Последняя осень» (1968), входящее в сборник «Зеленые цветы». Из этих стихотворений первое описывает положение после кончины поэта. Оно состоит из четырех строф, содержащих по четыре стиха. Последовательность строф устроена так, что она передает движение от посторонних лиц через поэта Есенина к поэту Рубцову. В первой

² Советский энциклопедический словарь. М. 1980. С. 1156.

строфе передаются мнения «обывателей», которые потом, во второй строфе, ставятся под вопрос самим Рубцовым (выступающим в качестве «лирического я»), а в третьей он дает свою версию причин, приведших к гибели поэта. В заключительной же строфе Рубцов эксплицитно устанавливает связь между собою и Есениным; последним словом произведения является глагол в первом лице единственного числа, т. е. слово, равнозначное «я».

В стихотворении встречаются разные характеристики Сергея Есенина. Слухи передают расхожее мнение, будто он удавился «потому, что он пьянствовал много». Пьянство Есенина было очевидным всем; сам Рубцов, однако, обращает внимание на то, что более скрыто, тем самым расширяя кругозор от личного до общественного: грусть и тоска, приведших к смерти Есенина — результат потрясений, постигших русскую землю.

Ценитель есенинской лирики сразу узнает ее элементы в стихотворении Рубцова. Даже голубой цвет, тут приданный глазам Есенина, хорошо знаком по его же стихотворениям, в которых он выступает, пожалуй, как самый излюбленный. Далее, пьянство и кабаки тоже являются частными мотивами есенинских стихотворений; в известных «Письме к матери» и «Письме от матери» именно «кабак» составляет отрицательную сторону судьбы поэта, положительной стороной которой является материнский дом. Особенная окраска есенинской тоски также воспринимается эхом определенных стихотворений, таких, как «Этой грусти теперь не рассыпать» и «В этом мире я только прохожий».

Второе стихотворение называется «Последняя осень», и читатель только в начале последней строфы узнает, что «он», о котором идет речь — Сергей Есенин. Зато название стихотворения уже с самого начала придает ему зловещий оттенок.

Это стихотворение строится на таком же противопоставлении, как и первое: поэт и толпа, «люди». И так же, как в первом стихотворении, первая строка передает мнение и настроение толпы. Но уже во втором стихе внимание перемещается на поэта, который, несмотря на окружающих его людей, одинок и чувствует это. Вторая половина начальной строфы показывает конкретную ситуа-

цию, а не только более общее, отвлеченное отчуждение от людей, тем самым усиливая эмоциональную нагрузку стихотворения.

«Отчуждение» значит душевное расстояние. Особенность этого стихотворения состоит в том, что это душевное расстояние сопряжено с телесной близостью — поэт находится среди чуждых ему людей, тогда как близкие по душе люди живут вдалеке. Для устранения этого парадокса, для того, чтобы близкие по душе люди стали близкими и по месту, а чуждые — отдаленными, требуются силы, энергия. Из стихотворения явствует, что эта энергия раньше была налицо, а сейчас ее в первый раз нет. Этот переломный пункт в судьбе Есенина и является темой стихотворения Рубцова, но с той оговоркой, что и предыстория имплицитно вмещается в него (на нее намекает словосочетание «в первый раз»), равно как и последующая часть его жизни, срок которой определяется названием произведения. Слово «предчувствие» тоже намекает на будущее, но тут, как и в первом стихотворении Рубцова о Есенине, это будущее не сугубо личное, а, скорее, общее, общественное.

Во втором стихотворении о Сергее Есенине наблюдается довольно сложная система противопоставлений, из которых иные уже названы. К ним можно прибавить замкнутость подвала, в котором поэт сидит одиноко среди людей, и светлую открытость поля, где есть друзья. «Подвал» ассоциируется с «кабаком» и «поле» — с «деревней», в результате чего вырисовываются два хорошо известных клише биографии и лирики Есенина. Но на этот раз автор их немножко прикрыл, а свое открытое наличие в произведении снял (как и в других включенных в сборники стихотворениях о поэтах); научился, наверное, что в литературе намеки эффективнее, нежели прямые утверждения.

Ничего удивительного нет в том, что деревенский поэт Рубцов ощущает особое родство с «последним поэтом деревни» (которым, впрочем, в действительности не оказался Есенин). Но среди стихотворений Рубцова есть и такие, которые посвящены поэтам, чья близость к Рубцову не столь очевидна. Качественно, объединяющим эти произведения со стихотворениями о Есенине, является их трагичность. В отношении Дмитрия Кедрина, убитого бандитами, это вполне понятно, но тем не менее примечателен тот факт, что

Рубцов выбирает как раз эту судьбу предметом своего стихотворения.

Мрачна и судьба Михаила Лермонтова, но он как по времени, так и по социальному положению более далек от Рубцова, посвятившего ему свое стихотворение «Дуэль». Особенность же этого произведения состоит в том, что в нем описывается не последняя дуэль поэта, как можно было ожидать, а другая, в которой он оказывается победителем. Таким образом, если структура стихотворения на переднем плане определяется противопоставлением хладнокровного «великого поэта» и его расстроенного противника, то на заднем, более важном, плане напряженность произведения создается контрастом описываемого бескровного поединка и умолчанной, но всем известной окончательной катастрофой в жизни Лермонтова. Такая изысканная трактовка материала не характерна для поэта Николая Рубцова.

Когда один поэт пишет о другом, он часто — более или менее открыто — смотрит и на самого себя. Характеризуя других поэтов, он тем самым определяет и свое место среди них, вписывается в ряд уже признанных мастеров. Таким образом Лермонтов определил свое положение, утверждая, что «нет, я не Байрон, я другой» — строка, которая видоизменяется Рубцовым: «Но я ж не Пушкин, я другой...»

В стихотворении, в котором встречается этот стих («Мой чинный двор зажат в заборы»), подчеркивается разница между Рубцовым, чей стих несовершенно, и Пушкин, который благодаря этому контрасту выступает представителем совершенства. В другом стихотворении, однако, подчеркнута скорее связь, сходство, Рубцова (который, впрочем, здесь выступает под полным именем) с двумя великими именами прошлого века — Тютчевым и Фетом. Эти два поэта называются четыре раза в стихотворении и всегда на одном и том же месте — в конце стиха, в той же последовательности и в той же форме: «Тютчева и Фета», вследствие чего подчеркивается их сходство в представлении лирического «я», переходящее в тождественность, — тут никакой разницы нет. Рубцов не дает никакой характеристики двум лирикам, только слово «искренний», употребленное в отношении его собственных творений, намекает на это же

качество и у его знаменитых предшественников. Тут, однако, известную роль играет и культурный контекст, поскольку Рубцов может рассчитывать на то, что у человека, интересующегося поэзией, есть довольно определенные представления о своеобразии Тютчева и Фета.

Стихотворение это, однако, не простое отождествление Рубцова, с одной стороны, и Фета и Тютчева — с другой. Первая его часть определяется глаголами, по форме или по значению отрицательными: «не стану» или «перестану», чем подчеркивается отмежевание автора от признанных авторитетов прошлого и вместе с тем его тяготение к ним; без него и отмежевание было бы бессмысленным. В последней же трети эти две противоположных силы — притягивание и отталкивание — находят гармоничное равновесие: Рубцов определяет себя не эпигоном, а продолжателем Федора Тютчева и Афанасия Фета.

Итак, как лучше характеризовать стихи Рубцова о поэтах-коллегам? Во-первых, они все построены на базе более или менее сложной системы противоположностей, из которых главная, пожалуй, традиционный контраст поэта и его окружения — толпы. Во-вторых, Николай Рубцов проявляет особый интерес к поэтам с трагичной судьбой. В-третьих, его стихотворения повторяют уже утвердившиеся представления о трактуемых им поэтах. Часть его стихотворений следует рассматривать как раз как попытки определения своего места среди твердых пунктов русского поэтического ландшафта, который для Рубцова представляет собой особо ценный концентрат всего русского.

Summary:

Russian poets in the mirror of poems by Nikolaj Rubcov

In this paper the author briefly analyzes some poems by the North Russian poet Nikolaj Michajlovič Rubcov (1936-71), in which he is portraying or hinting at earlier Russian masters of poetry — Esenin, Puškin, Lermontov etc. It is pointed out that Rubcov shows a predilection

for poets with a tragic fate and that his portraits provide a rather traditional view on these men, among whom Nikolaj Rubcov is trying to define his own position.

Address of the author: Erik Egeberg, Department of Russian, Faculty of Humanities, University of Tromsø, N-9037 Tromsø, Norway.
E-mail: Erik.Egeberg@hum.uit.no